

АННА ДАНИЛОВА

психологический детектив

Одно преступное одиночество

Чтобы узнать, кто тебе верен, стань королевой

Анна Данилова

Одно преступное одиночество

Серия «Эффект мотылька.

Детективы Анны Даниловой»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24185052

Данилова, Анна Васильевна. Одно преступное одиночество : [роман]:

Издательство «Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-96584-7

Аннотация

Тоскливым вечером женщина в черном пальто расклеивает в центре Москвы объявления «Хочу забыть бывшего». Счастье, что первым их увидел именно он, тот, кто готов спасти ее от отчаяния и одиночества, кто никогда не поверит в то, что она готова убить, и не задаст ни единого вопроса о ее прошлом. Но даже он, способный все простить и догадаться обо всем, не знает, что связывает ее, обычную москвичку в черном пальто, и маленькую европейскую королеву без королевства, жившую и растерявшую всех своих подданных больше ста лет назад...

Содержание

Лена	5
Игорь	6
Костров	10
Мирем	17
Игорь	21
Лена	34
Костров	43
Игорь	49
Мирем	63
Лена	71
Костров	80
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Анна Данилова
Одно преступное
одинокчество

© Дубчак А.В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Лена

Я сама загнала себя в этот черный угол. И теперь каждый, кто вспомнит обо мне, первым делом скажет: «А, это та, что убила мужа?» Хорошо, если этим ограничится. Можно многое добавить в мой адрес, мол, убила, чтобы освободиться и заполучить деньги. Может, кто-то знает, что у меня был любовник. Да, именно был, в прошедшем времени. Потому что теперь, в настоящем, его уже точно нет.

Я закрываю глаза и вижу своего мужа в луже крови. Картинка из триллера. И не могу поверить, что это все же случилось. Как не могу поверить и в то, что сижу в камере среди чужих, неприятных женщин. Пытаюсь увидеть себя со стороны – и не узнаю себя. Жалкое зрелище. Я слабею с каждым часом. Но не физически. Просто я понимаю, что осталась совершенно одна. И мне страшно. Очень страшно.

Игорь

Я ее потерял. Как нашел, так и потерял. И ведь сам прекрасно осознавал, что веду себя неправильно, что так нельзя, что это не по-мужски, наконец. Прошло уже почти два года, как мы вместе. Можно было найти множество способов заполнить ее всю, без остатка, схватить в охапку и унести с собой. Но я этого не сделал.

Почему? Врожденная нерешительность? Или меня так задело это ее «пусть все останется, как есть»? Да мало ли что может сказать женщина. Зачем я ее послушал? А может, мне самому так было комфортнее? Глупец.

Человека, к которому я собирался обратиться за помощью, зовут Ефим Борисович Костров. Когда-то очень давно один друг дал мне его визитку со словами: «Будет трудно – поезжай к Фиме». Знаю, что Костров помог ему в щекотливом деле, связанном со смертью компаньона. Тогда мы все опасались, что друга посадят за убийство, которого он не совершал. Но ничего такого не произошло – Костров спас.

Я ехал к этому человеку, известному мне только с чужих слов, и представлял себе нашу встречу. Конечно, первое, что он скажет, когда услышит мою просьбу: «Да не волнуйтесь вы так. Прошел всего час с той минуты, как вы почувствовали, что потеряли ее. Не стоит впадать в панику. Может быть, она просто не смогла прийти. Мало ли какие ситуации слу-

чаются в жизни. Давайте подождем».

И я мысленно отвечал: «Да вы просто не понимаете! Все эти два года она всегда предупреждала, если не может прийти. Оставляла записку с датой следующей встречи. Да, она живой человек, который может заболеть гриппом или срочно куда-то уехать. Но у нее есть телефон (и не один!). Она всегда может позвонить в гостиницу «Геро» и попросить знакомую администраторшу оставить записку для меня. Сегодня она этого не сделала. Объяснений может быть много, но я боялся больше всего двух. Первое – ее нет в живых или она тяжело больна. Второе – она бросила меня».

Все остальное можно бы исправить, и я готов был на все, лишь бы вернуть все то, чем жил последнее время. Я даже про себя, тихо-тихо боялся произнести это слово. Любовь.

Да что там любовь? Это слово звучит везде, постоянно, как пароль, как код, как оправдание поступков и болезней. Что только не называют этим словом ради собственного удобства. То, что я испытывал к Лене, было куда более сильным, чем любовь. Имени этому еще просто не придумали.

И вот теперь я должен рассказать о нем совершенно постороннему человеку, пусть и знатоку сердечных дел. Поймет ли он меня, оценит ли серьезность трагедии? Или посмеется надо мной? А вдруг он циник, грубиян, что тогда?

Ничто не предвещало такого развития событий. Нет, конечно, сегодняшнее утро не было безоблачным. Приболел мой маленький сын. Он плохо спал, покашливал во сне,

под утро расплакался. Наша няня позвонила в поликлинику. Пришел доктор, сказал, что горло у Саши на самом деле воспалено, выписал лекарство. Я съездил в аптеку, купил его и отдал няне.

Нашу няню зовут Катей. Нет, для чужих она, конечно, Екатерина Николаевна. Но с самого первого дня, как только мы познакомились, она попросила обращаться к ней просто по имени – Катя. Так и пошло. Ей за тридцать; молодая, ловкая, энергичная, она очень добра к моим детям и отменно готовит. Это просто счастье, что я нашел ее. Даже не представляю, что с нами со всеми было бы без нее.

Сегодня 31 октября, завтра – ноябрь. Холодный, ветренный, с первым снегом. Как могло случиться, что стужа коснулась и моего сердца? Где были мои глаза, почему не заметили перемену в той, которую давно уже считал своей? Она ждала от меня поступка, каких-то важных слов, а я, нерешительный, как многие мужчины, так ничего и не предпринял. Эгоистично наслаждался ее обществом и совершенно не задумывался о будущем. О, какой глупец!..

И еще этот дождь со снегом, начавшийся ночью. Ледяной дождь поливает всю Москву. Люди прячутся от него под зонтиками, передвигаются по тротуарам, зябко поеживаясь, и спешат нырнуть в теплое и сухое помещение: в офис, в квартиру, магазин.

А я, спрятавшись от дождя в прогретом салоне автомобиля, мерзну от одной только мысли о предстоящем разговоре

с Костровым.

Что я ему расскажу? Как объясню наши странные отношения с этой женщиной? Поймет ли он меня? Наверное, сочтет слабаком или просто идиотом. И будет прав.

Мой друг всегда предупреждает: «Игорь, не говори о себе плохо. За тебя это сделают твои друзья». Уж лучше бы кто-нибудь из них действительно сказал мне это в лицо, может, хоть это подтолкнуло бы меня к действию? Но я уверен, что никто в моем окружении не знает о моей тайной жизни. Не потому, что я сознательно решил это скрыть, вовсе нет. Просто все так сложилось. Не было никакого смысла рассказывать другим о Лене. Я не мог показать ее друзьям, не мог взять с собой на вечеринку, не мог привести домой и познакомить со своими малышами. Она была, но в то же время ее как бы не было. Да что там, мне иногда и самому начинало казаться, что она не более чем плод моего воображения.

Костров

Женщину, которую меня попросили найти, звали так же, как мою жену. Лена. Мужчина, сбивчиво объяснивший, что к чему, был довольно молод. Бледное с ярким румянцем лицо – такое бывает у людей с неглубоко расположенными кровеносными сосудами. Если бы не это обстоятельство, его лицо было бы совершенно белым. Было очевидно, что он сильно нервничает.

– Итак, вы два года встречались с ней в гостинице «Геро», и только там. Расставаясь, всегда договаривались о следующей встрече. Если кто-то из вас не мог прийти, он диктовал записку администратору гостиницы, так?

– Да, так.

Я видел, что его пугают эти расспросы. Что ж, догадываюсь, какие отношения существовали между любовниками. Такое бывает иногда между мужчиной и женщиной, связанными обстоятельствами, при которых этот роман может быть опасным для одного из них, а то и для обоих сразу. Но здесь эти свидания могли представлять опасность только для женщины. Мой клиент был разведен и жил один, воспитывал двух маленьких детей. Жена бросила его, когда малышам было всего три месяца, – сбежала с любовником. Ужасная история. Просто отвратительная.

– Не считите мои вопросы следствием праздного любо-

пытства. Просто нужно знать многое, чтобы понимать некоторые вещи.

– Спрашивайте, – вздохнул Игорь Туманов. – Постараюсь честно ответить на все ваши вопросы.

В эту минуту я вспомнил одного из своих клиентов, теперь ставшего моим другом. Кажется, совсем недавно Борис Равенков обратился ко мне с просьбой найти его невесту, оперную певицу Нину Бретт. Всякий раз, когда меня просят найти женщину, первой в голову приходит мысль о другом мужчине. Но часто потом выясняется, что это вовсе не так, что в ее жизни произошло что-то такое, никак не связанное с ее романами, что заставило ее исчезнуть, пропасть. Всякий раз, находя этих пропавших женщин, я удивлялся тому, как изобретательна жизнь, какие хитроумные ловушки она расставляет для тех, кто и без того слишком слаб, чтобы сопротивляться обстоятельствам. Женщины слабы и вместе с тем удивительно выносливы, и я счастлив, что время от времени мне предоставляется возможность помочь им вернуться к нормальной жизни.

– Я бы хотел, чтобы вы рассказали мне о том, как познакомились с вашей Леной. Поймите, сейчас мы не знаем о ней ничего. Ни фамилии, ни отчества, ни адреса, ни того, чем она занимается. У вас нет даже ее фотографии. Конечно, все это мы быстро выясним, для этого существуют определенные способы.

– Какие же?

- Думаю, в гостинице имеются камеры видеонаблюдения.
- Ох, конечно! Как же я раньше об этом не подумал?
- Так как вы познакомились с ней, господин Туманов?
- Просто Игорь. О да, это было весьма любопытное зна-

комство.

Легкая улыбка тронула его губы, а голубые глаза засветились умиротворением. Я понял, что он перенесся туда, в прошлое, тщательно оберегаемое, почти священное. Да, редко когда увидишь такие одухотворенные лица.

– Это было тоже в ноябре. И тоже шел дождь. Темно, вечер. Я возвращался с работы, очень спешил: меня ждали дети, няня... Признаться, у меня тогда такая кутерьма была в голове, да и в жизни тоже. Жена внезапно исчезла. Для меня ее предательство было как удар обухом по голове. Никогда не пойму ее, никогда не смогу оправдать, что бы там ни говорили, мол, молодая, испугалась трудностей. Для меня она с тех пор не существует, и детей я ей никогда не верну.

Он вздохнул, встряхнулся, расправил плечи. Счастливая улыбка снова коснулась его губ.

– Так вот. В то время я как раз открыл еще один магазин. У меня небольшой бизнес – сеть продуктовых магазинов в моем районе. Знаете, никогда не предполагал, что физико-математическое образование мне не пригодится и что во мне вдруг проснутся гены деда, отчаянного торговца и предпринимателя. Но так случилось: нужно было как-то жить, возвращать кредиты. В тот вечер случился конфликт

с одним из моих поставщиков: нам завезли просроченный сыр. Вечерок выдался еще тот. Я промерз на складе, охрип – доказывал что-то коллеге, которая отказывалась меня понимать.

Наконец, я покончил со всеми делами и уже буквально бежал по улице, чувствуя, что заболеваю. И вдруг увидел женщину в черном пальто – она клеила объявление на доске, прямо под фонарем. Она была такая... как бы это сказать? Я и лица-то ее не видел, только силуэт, пальто, каблуки... Она тоже увидела меня, вздрогнула и быстро так зашагала прочь. Я сделал вид, что меня интересуют другие объявления и принялся читать всякую рекламную чушь. В воздухе остался аромат ее духов. Сам не знаю, что на меня нашло, – стою и вдыхаю этот аромат, представляю себе эту женщину, ее лицо, глаза, розовые губы...

Игорь вдруг спохватился – понял, что увлекся и наговорил лишнего, душевно разоблачился перед посторонним. Я же постарался придать своему взгляду максимальную строгость. Да, я смотрел на него строго, серьезно и очень пристально, чтобы он не подумал, что я всего лишь удовлетворяю собственное любопытство. Хотя, чего греха таить, я, конечно, хотел досмотреть эту ноябрьскую картинку, эту сцену у доски объявлений до конца.

– Что там было написано?

– Я почему-то подумал, что она продает комод, старинный комод. Сам не знаю, откуда вдруг такое предположение.

Или щенков редкой породы. Во всяком случае, такая женщина, как она, подумалось мне тогда, не ищет работу, не может предложить себя в качестве медсестры или сиделки, массажистки или маникюрши. И уж точно она не расклеивает рекламные объявления. На белом листке, еще влажном от клея, была написана всего одна фраза, которая потрясла меня: «Хочу забыть бывшего». И номер телефона. Причем один – не разрезанный внизу лист, от которого можно оторвать полоски с номерами, а один, понимаете, номер!

Я, конечно же, сорвал объявление. В тот момент я как-то сразу все понял. Отчаяние, женское отчаяние заставило ее поступить так. Невероятная душевная боль и желание избавиться от черной дыры в сердце, которую рождает предательство мужчины. Я сам тогда носил в сердце такую же черную дыру в сердце. Даже больше скажу: мне показалось, что я должен ее спасти, чтобы она не попала в еще более опасную историю.

Я двинулся по улице. Метрах в ста пятидесяти, возле магазина, стоит круглая тумба с афишами, на которую она тоже может наклеить такое безумное объявление. А что, если ей позвонит какой-нибудь маньяк? Я почти бежал до этой тумбы, и когда подбежал, понял, что не ошибся: еще одно такое же мокрое от клея объявление! Я сорвал его. Позади хлопнула дверца машины, и я увидел, как в двух шагах от меня вспыхнули фары, заурчал мотор, и черный блестящий автомобиль двинулся по улице. Свет фонаря выхватил салон

и женщину за рулем. Мне показалось, что это она. Та самая, чьи руки должны пахнуть бумагой и клеем. Сколько еще объявлений она расклеила? Всего два или двадцать? Что с ней будет потом?

Машина удалялась, и я схватил телефон и набрал номер, тот, с объявления. Несколько гудков, и я услышал женский голос. Тихий, нежный. Конечно, я сказал ей, чтобы не делала глупостей, что она может пожалеть об этом. В трубке молчали. И вдруг я увидел, как машина, та самая машина, в которой я ее видел, пятится ко мне. Медленно, как уставший тяжелый зверь. Наконец, автомобиль поравнялся со мной, стекло опустилось, и тонкая белая рука поманила меня, приглашая в салон.

– Что было потом?

– Мы ехали молча, я совсем забыл о детях, няне, да обо всем на свете. Просто смотрел на нее, причем украдкой, осторожно. Она была очень красива.

– Она привезла вас в «Геро»?

– Да. Притормозила возле крыльца, вышла, я следом. Мы вошли в гостиницу. Там было тепло, я закашлялся. Еще пахло каким-то ароматизатором, очень сильно. Момент, когда она что-то там оформляла, из моей памяти стерся начисто. Или она заранее забронировала номер? Я увидел у нее в руках ключ с деревянным брелком в форме шара. Потом она двинулась к лестнице, я за ней. Она как будто заколдовала меня. Мы поднялись, вошли в номер. Вот и все.

Он так хорошо рассказывал, что я живо представил себе и гостиницу, в которой никогда не был, и даже лестницу, ступени, покрытые красной ковровой дорожкой, узкие щиколотки женских ног, обутых в черные сапожки тонкой кожи.

– Потом мы познакомились. Ее звали Леной.

Мирем

Она курила уже пятую сигарету. Сидела в сквере рядом с собором, глядела на голубей, которых кормили маленькие дети и их мамы, и курила, курила. Ее пальцы, уже ставшие коричневыми от табака, казались неестественно длинными из-за узких, покрытых красным лаком ногтей.

Чем больше она курила, тем больше хотелось. Она втягивала в себя дым, и ей казалось, что его яд убивает то нехорошее, тяжелое, что давит на грудь и мешает жить. Дело было даже не в деньгах, которые она отдала Меттину. Не впервые, в самом деле, она оплачивает его карточные долги. Дело было в том, что он, получив свое, на какое-то время вообще о ней забывает.

У него свои дела, он кружит по Болгарии, просиживает последние штаны в грязных крычмах в обнимку с бутылкой «Каменицы», «Загорки» или «Шуменским» пивом, курит одну сигарету за другой, как она сама, да и многие вокруг, подсевшие на сигареты. И так будет продолжаться до тех пор, пока его, пьяного, грязного, не вернут в его турецкое село, в крохотный, доставшийся ему от родителей дом с треснувшими стенами и разбитой оранжевой черепицей, где он отоспится, отмоется, чтобы снова поехать в город, в тихое кафе на окраине. Такие же, как он, подцепившие вирус

кома́ра¹, будут пытаться там свое счастье за карточным столиком. Сначала на кон будут поставлены стотинки², потом игра затянет, он начнет выигрывать и, увлекшись и уже проигравшись в пух и прах, станет занимать деньги у своих приятелей.

Позже, когда деньги у всех закончатся, а выигрыш так и не придет, он отправится в свое мужское путешествие по квартиркам женщин, которые будут его кормить и давать ему деньги, не надеясь, что он их когда-нибудь вернет. Кто эти женщины, почему они дают ему в долг, ему, уже немолодому, страдающему множеством болезней мужчине, она могла только догадываться. Да и сама она была, вероятно, из их числа. Хотя их с Меттином связывают иные отношения, ведь они знакомы почти двадцать лет.

Она не понимала, как могло случиться, что она так привязалась к нему и теперь так зависела от него эмоционально. Он не был красив, не был умен, в нем не было вообще ничего, что могло привлечь к нему женщину. Любовь? А может, просто глупость? Или страх одиночества?

Она достала из пачки еще одну сигарету. Отметила, что их осталось только две. Значит, потом она будет просить соседку продать ей сухой измельченный табак, который специальной машинкой набьет в сигаретные гильзы. И так до тех

¹ Комар (*болг.*) – азартная карточная игра.

² Стотинка – болгарская мелкая купюра.

пор, пока не появятся деньги. Она с наслаждением закурила.

Курение составляло, помимо ставших уже болезненными встреч с Меттином, единственное ее удовольствие. Еда уже не радовала – аппетит окончательно пропал. Мирем чувствовала, что худеет, тает. Глядя на себя в зеркало, она ужасалась. Мало того, что ростом не вышла, маленькая, как карлица, так еще и похудела невозможно. Даже пышная грудь, ее гордость, уменьшилась. Оставались неизменными только черные горящие огнем глаза, в которых читались любовь и страх.

Она не знала, куда ей идти и что делать. Можно было отправиться на склад за партией старой одежды из Голландии, чтобы попробовать разложить ее на продажу на одном из маленьких варненских рынков. Но ее приятель Краси, у которого была машина, уехал на заработки в Германию.

Сегодня суббота. На птицефабрику, где она изнуряла себя многочасовой работой, ей предстояло выйти только в понедельник. Зарплату она получила вчера вечером, а сегодня от нее не осталось ни стотинки – Меттин выгреб все из ее кошелька. Да еще и ударил по лицу напоследок, когда она попыталась отвоевать хотя бы пять левов на сигареты.

Она сидела на скамейке, голодная, обкурившаяся дешевыми сигаретами. Глядела на резвящихся вокруг детей и умиротворенных мамаш и бабушек и с горькой усмешкой думала, что никто из них и не подозревает, как она, маленькая Мирем, богата. Просто-таки баснословно богата. Стоит ей

только немного набраться терпения, как жизнь ее изменится, и чудесно вернувшееся прошлое подарит ей сияющее будущее...

Она плотнее запахнула свою кожаную курточку и откинулась на спинку скамейки. Подставила лицо все еще теплomu, пусть и ноябрьскому солнцу, закрыла глаза, и тотчас память подарила ей цветную картинку: залитое солнцем кафе в Приморском парке и сидящая за столиком русоволосая молодая женщина с чашкой в руке.

Лена.

Игорь

К счастью, Костров оказался нормальным мужиком и вдобавок профи. Он понял меня, схватился за работу, и уже к вечеру первого ноября у нас были снимки с камер наблюдения гостиницы «Геро». Знай я, что мы с Леной все это время были под прицелом камер, давно предложил бы изменить место наших встреч.

Фотографии были довольно четкими, на них даже можно было разглядеть маленькую родинку на Лениной щеке. Сердце мое билось, когда я видел ее, стремительно входящую в холл, с сияющим лицом, счастливую. Вот она остановилась у стойки администратора, что-то быстро сказала девушке за стойкой и, зная уже, что я поджидаю ее в номере, стала подниматься на второй этаж. Это была наша последняя с ней встреча. Неделя тому назад.

Костров сообщил, что побывал в «Геро» и поговорил с администратором, которая, в отличие от меня, знает фамилию постоянной гостыи, а также ее паспортные данные. Странно, что в первую нашу встречу он не задал мне главный вопрос: почему вы сами, господин Туманов, не догадались спросить фамилию вашей подруги у администратора гостиницы? Почему не поинтересовались записями в журнале гостей? Признаюсь, мой ответ выглядел бы бледно, неумно. Я-то предполагал, что Лена потому и выбрала именно эту маленькую

и скромную гостиницу на отшибе, что там не требуется паспорт. Наивный я человек.

Итак, ее полное имя Елена Сергеевна Львова. По паспорту ей тридцать два года. Что ж, она была честна со мной, когда сказала, сколько ей лет. Сейчас я уже и не вспомню, по какому поводу мне пришло в голову этим интересоваться.

Конечно, она была замужем. Ее муж – Николай Петрович Львов, предприниматель, владелец сети аптек «Фарма-Гален». Понятное дело, эту информацию Костров почерпнул уже не из записей в гостиничном журнале, а пробил по своим каналам. Каждую следующую порцию сведений я усваивал с трудом. Сознание отказывалось воспринимать реальность: наличие в природе мужей с аптеками и правами на своих жен. Об унижительной для женщины купчей на бланке с водяными знаками – свидетельстве о заключении брака – и не говорю.

Получалось, что она кому-то принадлежала, как вещь, и на это имелся соответствующий документ. А я, по всей видимости, время от времени крал ее для своего удовольствия, не задумываясь об истинном положении вещей. Иначе говоря, жил так, как мне удобно. И это просто чудо, что наши с ней желания полностью совпадали.

Костров оказался хорош еще и тем, что ничем не выдал своего удивления, как будто наша с Леной договоренность – это самое обычное дело. Он просто работал, добывал информацию, словом, искал мою любовницу так, как если бы

она действительно исчезла бесследно.

За окном стемнело, все-таки ноябрь. Ефим Борисович включил большую настольную лампу на рабочем столе. Все вокруг окрасилось желтым, стало как будто бы даже теплее. Мы сидели в этом кабинете уже целый час, и все это время он задавал мне вопросы, не связанные с Леной напрямую. Думаю, он просто тянул время – ждал звонка. И, наконец, дождался. Послушал, что скажет его человек, быстро что-то записал в блокноте, поблагодарил и нажал отбой.

– Она арестована. Вернее, задержана по подозрению в убийстве мужа. Сейчас она в камере предварительного заключения. Мы узнали главное: она жива и здорова!

Он сиял, а мое лицо свела судорога отчаяния.

– И что теперь? Я могу ее увидеть?

– Не уверен. Но мы можем ходатайствовать о том, чтобы ей сменили меру пресечения на подписку о невыезде. Вот этим я могу заняться немедленно.

– Пожалуйста, займитесь.

– Хорошо.

На этом наш разговор должен был закончиться. Он ясно дал мне понять, что ему нужно работать и я больше ничем не могу ему помочь: все, что его интересовало в связи с делом, он уже узнал.

– Вы поедете к следователю? Когда? Я могу поехать с вами?

– Можете.

– Прямо сейчас? Ефим Борисович, умоляю вас! Она в камере, но это же дикость!.. Лена не могла убить своего мужа. Она вообще никого не может убить, это слабая, хрупкая женщина. Пожалуйста, поедemте прямо сейчас к следователю.

– Не уверен, что он на работе, все-таки половина восьмого. Думаю, он уже ест суп у себя дома.

– Как его фамилия?

– Неустроев. Гена Неустроев, мой хороший товарищ.

– Так вы его знаете?

– Игорь, вашу подругу могут отпустить в лучшем случае завтра. И это при том, что вам наверняка придется внести залог. Точнее, пока ничего сказать не могу – все буду знать только завтра.

Но я не мог вот так вернуться домой, зная, что Лена в камере и что ее подозревают в убийстве. Я должен был выяснить все. К счастью, мне удалось уговорить Кострова позвонить Неустроеву. Через полтора часа мы уже поднимались в его квартиру.

Дверь открыла его жена – приятная женщина в белом свитере и черных брюках. В доме пахло горячей едой. Было тепло, уютно, из глубины доносились детские голоса и смех. В передней показался раскрасневшийся от ужина хозяин. Увидев Кострова, он широко улыбнулся и пожал руку ему, а затем и мне.

– Фима, привет. Проходите.

Мы надели одинаковые войлочные тапки, явно предна-

значенные для гостей, и прошли на кухню. Жена Неустроева – как потом оказалось, ее звали Эммой – пригласила нас за стол и поставила перед каждым по тарелке супа.

Костров представил меня как своего помощника – специально, чтобы Неустроева не смущало присутствие заинтересованного лица.

– Львова? Конечно, в курсе. Дело простое. Супруги поскандалили, причем знаешь, так всерьез. Разгромили квартиру, дальше она схватила пистолет. В итоге муж застрелен из собственного оружия, на которое у него, кстати, имелось разрешение. Жена в шоковом состоянии выбежала на улицу, кричала что-то, колотила палкой по машине, разбила стекло. Сработала сигнализация. Соседи наблюдали из окон эту сцену. Потом она убежала. Она утверждает, что просто ходила по улицам, а когда вернулась, с трудом могла вспомнить, что произошло. Соседи к тому времени уже вызвали полицию. Львову арестовали. Вот, собственно, и вся история.

– Звук выстрела кто-то слышал?

– Многие слышали. И сразу после выстрела раздался вой сигнализации.

– А что говорит она сама? Она призналась в убийстве? – спросил Костров.

Признаюсь, меня так и распирало желание самому засыпать следователя вопросами. Но я обещал помалкивать и больше слушать, поэтому сдержался.

– Сначала она показалась мне вообще неменяемой. По-

том, когда я поднажал, сказала, что не помнит самого убийства, но призналась, что они действительно ругались, причем сильно. Утверждает, что она его не убивала и пистолет в руки не брала.

– Пистолет нашли? На нем есть отпечатки?

– Пистолет был рядом с телом. Отпечатков нет, их тщательно стерли.

– И?

– Львова говорит, что не помнит, когда в последний раз видела пистолет мужа. Хотя не отрицает, что знала о его существовании: у них, по ее словам, однажды был разговор о том, что надо бы в целях безопасности иметь при себе оружие.

– Значит, она не призналась в убийстве? – выдохнул я с облегчением.

– Нет, не призналась, – спокойно ответил Неустроев. – Фима, я так понимаю, она твоя клиентка?

Костров коротко кивнул.

– Тогда я тебе не завидую: дохлое дело. Это точно она убила мужа. У нее и мотив был. После его смерти ей на минуточку достается весь его бизнес. Может, слышал – сеть аптек «Фарма-Гален»? Плюс недвижимость, а это квартира и дача. Соседи все как один утверждают, что супруги жили не очень дружно, редко когда их можно было увидеть вместе. Он с утра уезжал на своей машине в одну сторону, она на своей – в другую. Вроде жили под одной крышей, но каждый

своей жизнью.

– Соседям-то откуда знать, как они жили? – поднял брови Костров. – Вот я нечасто выхожу из дома, и мои соседи могут сделать вывод, что я нигде не работаю. А еще ко мне приходят люди, вернее, приезжают на дорогих машинах. Зачем они ко мне приезжают? Может, у меня закрытый карточный клуб? Казино?

– Может, и казино. Что касается твоей Львовой, здесь, повторяю, тебе будет трудно. Это она застрелила его, сомнений нет. По времени тоже все совпадает: практически сразу после убийства пять человек видели, как она в своей красной курточке выбежала из подъезда и принялась колотить по машине палкой.

– Мы согласны внести залог. – Костров мягко склонил голову набок. – Ее могут отпустить под подписку о невыезде?

– Надо подумать, – пожал плечами Неустроев.

– Подумай. Что ж, нам пора.

В машине я дал волю чувствам.

– Как они там все быстро решают! Уже решили! Разве не ясно, что она была не в себе, когда ее допрашивали? Да еще, как я понял, без адвоката!

– Вот вы и расскажите, какая она, эта ваша Лена.

Костров уже сосредоточился на дороге. Руки в черных перчатках крепко держали руль. «Дворники» мягко стирали крупные, сверкающие электричеством капли со стекла.

– Могла она так легко попасться на убийстве? И почему

позволила допрашивать себя без адвоката?

– Она не глупая, если вы об этом, – я слегка обиделся за Лену. – Вполне себе современная грамотная женщина. Если даже предположить невозможное, что она задумала убить мужа, она сделала бы это умнее. Понимаете, о чем я?

– Я-то все понимаю, но имеются свидетели, и их много, если верить Неустроеву. И свидетели сначала слышали, как они ругались, а потом видели, как она колотит палкой по машине мужа. Понятно же, что она пар выпускала.

– А вы считаете, что, убив мужа, она этот пар не выпустила?

– А ведь вы правы, психологически очень точное замечание, – оживился Костров. – В самом деле. Если бы она, ссорясь с мужем и доказывая ему что-то, осталась после этого разговора неудовлетворенной и в бессилии начала крушить все вокруг, а потом лупить по его машине, все выглядело бы вполне логично. Но тогда он остался бы в живых. Если же она его убила, тогда вряд ли стала бы хвататься за палку. Что-то здесь не сходится.

Он помолчал. Потом заговорил снова:

– Вы с ней встречались, хорошо ее знали. Вы чувствовали, что с ней что-то происходит в последнее время? Может быть, что-то ее угнетало? Может, она была расстроена, плакала, собиралась вам что-то рассказать? Вы что-нибудь подобное почувствовали?

– Нет, ничего такого. Она была спокойной, веселой, мож-

но даже сказать, счастливой.

– О муже своем она вам никогда не рассказывала?

Я понимал, что он спросил это на всякий случай и что он прекрасно помнит: мы с Леной вообще не говорили о жизни за порогом гостиничного номера.

– Нет. Я даже не знал, замужем ли она.

– Но собирались узнать?

– Да, собирался. Хотя и боялся, что, если узнаю о ней все, между нами исчезнет то, чем мы жили и что составляло существо наших встреч. Мне казалось, что правда о быте каждого из нас убьет любовь. Мы станем частью того грубого мира, в котором живем. Да и сам я не был готов рассказать ей, что мою Анечку стошнило или что мой Саша не спал от колик в животе. Расскажи я об этом Лене, я поставил бы ее в неловкое положение. Она вынуждена была бы выразить сочувствие, предложила бы помощь, потом стала бы задавать вопросы о моих детях и их матери. Все разрослось бы в один снежный ком той самой будничной жизни, от которой мы так тщательно прятались под гостиничным одеялом. Пожелай я этого, может, давно нашел бы себе новую жену и зажил бы семейной жизнью, отсчитывая дни до той черты, когда наши чувства остынут и новая жена сбежит, прихватив чемодан, подальше от чужих детей, подальше от игры, в которую у нее уже нет сил играть, – игры в мать. Уж если настоящая мать моих детей сбежала от них, чего требовать от постороннего человека?

Как мне было объяснить Кострову, что мои отношения с Леной тем и отличались, что в них не было лжи, игры, фальши. Мы знали, чего хотим друг от друга. Не всегда при встречах мы занимались любовью. Иногда мы просто засыпали вместе, обнявшись, как уставшие путники, нашедшие наконец приют. Мы отдыхали в объятиях друг у друга. Мы наслаждались тем, что мы друг у друга есть. Мы, парочка наивных чудаков, крепко вцепившихся друг в друга и медленно опускающихся на дно собственных заблуждений.

– Вы считаете меня законченным идиотом?

– Нет, ничего подобного. – Руки Кострова еще крепче схватились за руль.

– Если хотите знать, я был бы рад услышать от нее обо всем, что ее мучило, волновало, что ее расстраивало, я готов был помочь ей во всем! Но между нами существовала договоренность. Если бы она рассказала мне, тогда и я тоже должен был бы рассказать ей о себе, о своих детях. А я не хотел, не хотел!

Вот и сейчас, когда судьбе было угодно посвятить в нашу тайну третьего, я испытывал страшную неловкость, потому что не мог передать словами суть наших отношений с Леной. Быть может, причина этой неловкости еще и в том, что я сам уже не верил в то, что говорил? Одно могу сказать: я был искренен с Костровым, когда признавался, что готов разделить

с Леной ее судьбу, стать ее спутником, защитником, освободить ее от трудностей, которые в ее жизни наверняка были. Иначе все между нами было бы проще. Как у всех.

Очень хорошо помню тот вечер. Мы с Костровым куда-то мчимся, а у меня нет сил спросить, куда он меня везет. Ведь ясно же было после разговора с Неустроевым, что, как бы мы ни просили, Лену тем же вечером никто не отпустит. Даже если бы я вывалил на стол перед самым главным начальником мешок золотых слитков. Юридическая машина по вечерам приостанавливает свой ход. Все, кто днем занимался моей Леночкой, вернулись в свои дома и вычеркнули ее из мыслей. Только мы с Костровым и думали о ней: я – потому что любил, он – потому что привык честно отрабатывать свой гонорар.

Вдруг я вспомнил, что сразу после того, как мы расстались с Неустроевым, Костров отошел от машины на несколько шагов и кому-то позвонил. Разговор длился довольно долго, Костров сухо кивал на каждую реплику невидимого собеседника. Это было похоже на обычный деловой разговор. Он явно о чем-то договаривался и, судя по его удовлетворенному виду, договорился. Мне показалось, что после этого разговора он стал точно представлять себе цель. Да и двигались по Москве мы теперь намного быстрее.

Мы долго ехали, мне даже показалось, что он забыл обо мне, что у него помимо моего дела есть и другие, связанные с проблемами других клиентов. И что он, увлекшись, помчал-

ся как раз туда, где его ждали по чужому зову.

Мы остановились напротив мощных металлических ворот, выкрашенных ярко-красной краской. Ворота соединяли высокий кирпичный забор и четырехэтажное здание с решетчатыми окнами – тюрьму или следственный изолятор. Это был центр Москвы, напротив мрачного здания я вдруг увидел купол небольшой часовни.

– Не думаю, что цена будет слишком высока, да и человек, с которым я договаривался, обязан мне лично. Но пятьсот евро точно надо будет заплатить. Не сейчас, можно завтра.

Я ничего не понимал. Костров улыбнулся одними губами.

– Завтра уладим все формальности, внесем залог. Если у вас нет суммы, которую они запросят, сможете взять у меня займы.

– У меня есть деньги! – воскликнул я. – Неужели я ее сейчас увижу?

– Конечно, увидите. Это не место для женщины.

С этими словами он вышел из машины, поднялся на крыльцо, открыл дверь и скрылся.

Я разволновался. Неужели сейчас, после всего, что было между нами, я увижу ее совершенно новой? Мою другую Лену, другого человека, настоящую, естественную в своем отчаянии? Я всматривался в дверь следственного изолятора и представлял себе ее, но прежнюю: в красивом пальто, с нежной улыбкой на губах, с аккуратно уложенными волосами, на каблучках.

Сколько часов она провела в изоляторе? Не так уж много. Но перед тем она натерпелась, пережила страшное потрясение. Какая она? И готов ли я к встрече? Как мне себя с ней вести? Я вдруг понял, что совсем ее не знаю.

Дверь открылась, в освещенном проеме показались две фигуры. Сердце мое застучало, я дрожащими руками открыл дверцу машины, вышел и медленно двинулся им навстречу.

Лена

– Львова! С вещами на выход!

Я только пригrelась под одеялом и даже задремала. Понимала, что уже поздно, но представление мое о времени было самым смутным. Слышала, как женщины в камере (их помимо меня было шестеро) еще переговариваются, позвякивают посудой. К счастью, в камере было не так страшно, как это выглядит иногда в кино. Не было уродливых беззубых баб, готовых унижить, ударить. Женщины разные: и молодые, и старые, у каждой своя история, но все считают себя невиновными. Как и я. Откуда-то они уже знали, что я убила мужа. Смотрели на меня с настороженным уважением, идти на сближение явно боялись.

Там все было странным. Меня знобило, я не могла есть, часто бегала в туалет, где тошнило от запахов.

Когда меня вызвали, в камере произошло какое-то движение, прокатилась невидимая волна. Мои соседки зашептались, кто-то сказал: «Куда это ее на ночь глядя?»

С вещами. Смешно. У меня не было вещей. Меня взяли в черном вязаном пальто, в которое я куталась, когда бродила по улицам не в силах осознать, что произошло. И хорошо, что оно было, что спасало, укрывало, как если это было живое существо. Я сама связала его себе, словно знала, что когда-нибудь оно пригодится и согреет не только тело,

но и душу. Так было до тех пор, пока я не встретила Игоря. Живой человек, ласковый и нежный, он был теплее и милее вязаного пальто.

Те часы, что я провела между задержанием и этим пробившим тишину «с вещами на выход», я думала только о нем. Теперь, когда у меня не было мужа, который обязательно вытащил бы меня из СИЗО, несмотря на наши сложные отношения, мне и надеяться было не на кого.

Игорь никогда не увидит меня такой, не узнает обо мне ничего. Может быть, будет переживать, что я не пришла в «Геро» в назначенный час, не оставила записку. Наверное, подумает, что я бросила его. Какое-то время будет изводить себя вопросами. Станет искать причину в себе, решит, что совершил что-то, из-за чего я его бросила. Возможно даже, попытается узнать мои имя и адрес, заплатит администраторше, купит информацию.

Только что это ему даст? Разыщет меня, приедет ко мне домой, а квартира наверняка опечатана. Соседи скажут, что я убила своего мужа. Как поведет себя Игорь? Что предпримет? Подумает, что связался с сумасшедшей, что я опасна? Или станет разыскивать меня и дальше?

А что бы я сделала на его месте? Думаю, сразу бросилась бы к адвокату и поручила найти его. Даже если он убил жену.

Господи, что только мне не лезло в голову! Ведь я его совсем не знала. Совсем. Просто любила его за то, что он есть, что дарит мне свое время, себя, любовь и тепло. У него на-

верняка есть жена и дети. Не может у такого мужчины не быть семьи, это совершенно исключено. Другое дело, что с женой у него не все гладко, раз он приходит на свидания ко мне с этой нерастраченной любовью и нежностью. Мужчина, рядом с которым есть женщина, так себя не ведет. Во всяком случае, мне хотелось так думать.

Сколько раз я мысленно рассказывала ему о себе, о своих сложных отношениях с мужем. Делилась, излагая в подробностях, что мне пришлось пережить. Как меня чуть не посадили в тюрьму, но не потому, что я какая-нибудь преступница. Просто я не разбираюсь в финансах и доверилась своему бухгалтеру.

Это было в самом начале, когда у меня работала всего одна аптека, и на меня чуть не завели дело. Вот тогда мой муж просто спас меня: выправил все документы, взял дела в свои руки, а потом расширил наш бизнес. Я охотно пошла на это, доверилась ему, отдала все деньги, оставшиеся после продажи родительской недвижимости. И ни разу об этом не пожалела.

Не скажу, что меня очень уж расстроило, что Коля стал отдаляться от меня. Я понимала, что бизнес, которому он отдает всю жизнь, требует сил, времени, даже любви. Да, он любил свою работу, свою сеть «Фарма-Гален», и ему нравилось, что вложенные усилия приносят неплохую прибыль.

Теперь он стал увереннее и многое уже мог себе позволить. Правда, его отношение ко мне было скорее отеческим,

хотя он старше меня всего на десять лет. Я догадывалась, что у него есть другая женщина. Но и у меня к тому времени появилась собственная личная жизнь – красавец Тагир. Можно даже сказать, что я совершенно потеряла с ним голову, не настолько, однако, чтобы окончательно порвать с Колей. Мне нужен был дом, вернее, это ощущение дома, надежного тыла, куда всегда можно вернуться и найти там близкого человека. Не задавая вопросов, он просто посидит с тобой за компанию на кухне и нальет тебе чаю или чего покрепче.

И потом, Коля содержал меня. Нет, конечно, без моих денег, без средств, доставшихся мне от отца, он бы так не поднялся, и скорее всего мы бы давно с ним разошлись. Но все сложилось так, как сложилось.

Тех денег, что переводил Коля, мне вполне хватало. Больше того, вполне допуская, что Коля может все-таки оставить меня, чтобы завести другую семью, и отлично представляя, что случится, если все мои средства будут к моменту развода на моих счетах, я хранила их в надежном месте наличными, и это придавало мне определенную уверенность. Но время шло, Коля внешне был вполне доволен своей жизнью, и ни малейшего намека на то, что он хочет развестись, не было. Да, время от времени мы не ночевали дома, путешествовали по отдельности, но возвращались всегда домой и даже радовались нашей встрече.

Главное, что нас обоих все устраивало. Такое положение вещей стало для нас обоих стилем жизни, который позволял

существовать комфортно и, что не менее важно, свободно. У нас был общий дом, была наша дружба, мы были богаты.

Все бы так и продолжалось, если бы Тагир не бросил меня. Он женился на молоденькой татарочке. А я не была к этому готова. Быть может, если бы я ничего не знала о нем, вот совсем ничего ни о его семье с их традициями и обычаями, ни о его свадьбе, да просто ничего, кроме того, что он любит меня и что нам хорошо вдвоем, мы бы так и продолжали встречаться. Да и он ничего не знал бы обо мне, о том, что я замужем. Мы бы встречались где-нибудь на съемной квартире или в гостинице, и наша параллельная личная жизнь, связанная с обязательствами перед другими людьми, не мешала бы нашей с ним любви, не отравляла обоих ревностью.

Разрыв с Тагиром был для меня настолько болезненным, я так тяжело переживала его женитьбу, к которой совсем не была готова, что ночами просто выла, как волчица. И Коля, мой муж, догадываясь, что со мной происходит, пытался помочь мне. Он все ночи проводил со мной, держал меня в объятиях, как больного ребенка, и пытался согреть меня своим теплом. Конечно, он никакой не психотерапевт, но однажды произнес фразу, которая зацепила меня, дала надежду на выздоровление: «Заполни пустоту если не в сердце, то хотя бы в постели».

Это со стороны слова, произнесенные мужем, который пытается согреть жену, могут показаться циничными и даже отвратительными. Я же проглотила их, как спасительную

пилюлю. Прожила с этой пилюлей почти сутки и вечером следующего дня написала несколько странных объявлений – автора запросто могли бы отправить в психушку. В объявлении содержалась просьба заняться мною и помочь мне избавиться от воспоминаний. Дальше я отправилась расклеивать свои безумства по улицам.

Просто счастье, что первым это объявление увидел Игорь. Да он просто спас меня от беды. Москва кишит преступниками, насильниками, маньяками, ворами, бандитами. Мне повезло. Да я и встретила с ним в первый раз, чтобы отблагодарить за равнодушие, просто сказать несколько теплых слов, может, угостить его вином в каком-нибудь приличном месте. Но так сложилось, что мы оказались в гостиничном номере и провели там два счастливых года. И я ничего не знала о нем, о его семейном положении. Положа руку на сердце, и не хотела знать. Не хотела рисовать в воображении картины, которые могли бы вызвать ревность или остудить мою страсть.

Мы были просто любовниками. От слова «любить». Нет, не только сексуальными партнерами, как это может показаться. Нам было хорошо вдвоем, даже когда мы, уставшие, встречались в гостиничном номере и просто лежали, обнявшись, и болтали о каких-то пустяках. Игорь никогда не приходил с пустыми руками. Он приносил сладости, фрукты, какие-то милые подарки: украшения, цветы, перчатки, книги, духи. Мне тоже нравилось дарить ему разные безделушки,

что-то такое, что могло бы ему напоминать обо мне каждый день, но не привлекало бы внимание людей, с которыми он жил.

Я лежала, укрывшись с головой казенным, пахнущим грубой шерстью одеялом, и все вспоминала, вспоминала... Старалась не думать о том, что будет завтра. Потому что и так было ясно – со мной все кончено. Меня подозревают в страшном преступлении, и весь мир ополчился против меня. Следователь говорил что-то о многочисленных свидетелях, которые будто бы видели меня через несколько минут после убийства. Меня, убийцу, размахивающую палкой. Они утверждают, что я зачем-то била этой палкой по машине Коли. Неужели это действительно правда? Я что, с ума сошла?

Меня вывели в коридор, и я увидела невысокого полноватого мужчину, с интересом разглядывающего меня. Очередной следователь? Я вдруг почувствовала себя под его взглядом голой, и это несмотря на то что продолжала кутаться в пальто. Он видел меня насквозь и, несомненно, видел во мне убийцу. Я зажмурилась и пожелала проснуться у себя дома, в своей спальне под пуховым одеялом.

– Елена Сергеевна Львова? Лена? – спросил он, продолжая изучать меня взглядом.

Сопровождающий меня охранник исчез. Мы стояли в ярко освещенном коридоре следственного изолятора, и моя голова отказывалась воспринимать это как реальность.

– Да.

– Хотите принять горячую ванну, а потом выспаться в чистой постели под пуховым одеялом?

Меня как током ударило. Он что, забрался ко мне в мозг?

Я кивнула.

– Тогда пойдете со мной.

И я пошла, думая только о горячей ванне. Должно быть, я все же понимала тогда, что хуже положения, в котором я оказалась, уже просто не может быть. Разве что смертная казнь. Но она у нас в стране запрещена.

Мне бы спросить его хотя бы, кто он такой и куда меня ведет, но я не спросила – так хотелось в ванну и теплую постель.

Из темноты вышла мужская фигура. Это раньше я могла предположить, что меня приехал вызывать Коля. Но Коля был мертв.

Мужчина приближался, и с каждым его шагом мне становилось не по себе.

– Игорь, – прошептали мои губы, и я рванулась вперед. Игорь подхватил меня, крепко сжал в объятиях. Я превратилась в большой кусок масла, который буквально таял в его руках.

– Лена! Господи, как хорошо, что тебя отпустили! Садись в машину!

Мы столкнулись. Вернее, не совсем мы, а мы-другие – лбами, судьбами, уже по-настоящему. Я увидела, каким он может быть озабоченным, серьезным, готовым помочь мне.

Он нашел меня, узнал мое имя, принял меня как убийцу мужа и вытащил клещами из тюремной камеры!

В машине он держал меня в кольце своих рук, словно боялся, что я исчезну.

Мы сидели на заднем сиденье. Человек, которого Игорь представил как волшебника Ефима Борисовича Кострова, вел машину и не оборачивался, только иногда посматривал на меня в зеркало. Он спросил:

– Вы правда убили своего мужа Николая Львова?

– Нет, конечно. Я никого не убивала.

– Вот и славно.

Мне показалось, что он вздохнул с облегчением. А Игорь обнял меня еще крепче.

Костров

– Знаешь, когда мы еще не были вместе и ты приходил поздно, я, конечно, волновалась за тебя, но все-таки не так, как сейчас. А сейчас думаю: что серьезного можно делать так поздно, когда все уже дома?

Я улыбнулся. Каждому мужчине приятно слышать, что тебя ждут, волнуются. Но она права: я и сам изменился с тех пор, как мы с ней стали мужем и женой. Бывшая няня моей дочери, тихая и милая Лена так незаметно и естественно вошла в мою жизнь, что в какой-то момент я понял, что уже не могу без нее. Дело даже не в том, что ее нежными руками создан наш домашний уют, что она заботилась о нас с дочерью, кормила нас. Постепенно Лена стала жить нашими делами и прочно заняла место в нашей жизни, стала родным человеком. Моя дочь уже вышла замуж и живет теперь самостоятельно, однако, навещая меня, она первым делом идет все равно к Лене – поговорить о женском, поделиться секретами, спросить совета. Думаю, произошло то, о чем мы и мечтать не могли: она стала воспринимать Лену пусть не как мать, Лена слишком молода для этого, но как старшую сестру, а это тоже невероятно ценно.

– Спрашиваешь, что можно сделать полезного в такой поздний час? – Я наблюдал за тем, как она накрывает на стол. – Можно сделать счастливыми двух влюбленных.

Я рассказал ей об Игоре и ее теще Лене Львовой.

Она слушала меня, не перебивая. Я же рассказывал не спеша, с подробностями, смакуя рассказ так же, как ломти запеченной бараньей ноги, которые просто таяли во рту.

Когда я закончил рассказывать, Лена всплеснула руками.

– Думаю, ты просто разыгрываешь меня! Так не бывает! Что это за влюбленные, которые ничего друг о друге не знают? Ты хотя бы это сказал ему, этому своему клиенту?

– Зачем? Он искренне переживал все случившееся с его любовницей и, думаю, сам уже давным-давно пожалел, что именно так выстроил отношения с женщиной, в которую влюблен. И, знаешь, мы с тобой не вправе его осуждать. Тем более что в чем-то он прав.

– Интересно, в чем же? – Лена поставила передо мной большой бокал с горячим чаем и придвинула блюдо с печеным. – Может, ты тоже хотел бы таких отношений – назову их противоестественными? В чем он прав, объясни.

– Да в том, что они до сих пор пылают друг к другу страстью, понимаешь? – Я произнес это и тут же сообразил, что дал маху. Да что там, просто поднял, как труп с илистого дна, такую опасную для нас, молодоженов, тему долговечности любви и страсти. А то, что мое воображение подбрасывает такие ассоциации с трупами и щедро поливает их кровью, – что ж, спишем это на издержки профессии, все дело просто в моей работе.

– Вот как? – как-то по-детски нервно воскликнула Лена

и вскинула брови. – Хочешь сказать, что для того, чтобы сохранить страсть, нужно вести себя вот как эти двое? Что-бы, кроме любви и отношений, ничего больше не связывало? Ни заботы, ни быт, ни дети? Зачем тогда такая любовь или страсть? Это же все игра!

– Каждый играет в те игры, которые ему нравятся, – ответил я как можно деликатнее, желая поскорее свернуть разговор или направить его в более приятное русло.

– Что теперь с ними будет, как ты думаешь? Они обречены?

– В каком смысле?

– Ты всерьез думаешь, что они выдержат эти ужасные испытания? Ты же говоришь, что она как будто не виновата в смерти мужа. Но поверит ли ей Игорь? Это там, в гостинице, он знал ее просто как таинственную незнакомку, жизнь которой можно нафантазировать. А сейчас, глядя ей в глаза, он, наверное, без конца спрашивает себя: вдруг она на самом деле убийца?

Лена вздохнула.

– Фима, как ты сможешь им помочь? То, что ты рассказал об этом деле, работает против нее. Я не следователь, я всего лишь обыкновенная женщина, но если через пару минут после того, как был убит ее муж, все соседи видели, как она лупит палкой по его машине, видели, в каком она состоянии, как она злится на него... Совсем не представляю, как ты будешь доказывать, что она не убивала.

– Надо бы подождать результаты вскрытия ее мужа, в этом деле, знаешь, столько тонкостей... Конечно, установить точное время смерти вряд ли возможно. Да, предстоит многое проверить, еще раз опросить жильцов. Нужно попытаться выяснить, не заходил ли в подъезд незадолго до убийства еще кто-нибудь. А может, кто-то слышал звук выстрела? Да, предстоит долгая кропотливая работа. Но если Лена действительно никого не убивала, а оказалась заложницей обстоятельств, если ее кто-то подставил, тогда я сделаю все возможное, чтобы ее спасти.

Я сделал паузу, потом продолжил.

– И еще одно: не надо забывать, что мы расследуем вполне реальное дело, понимаешь? Если это не Лена, значит, в квартире находился еще один человек, который не мог не наследить. Допускаю, что это он взял пистолет и выстрелил. Значит, у него был мотив, и сильный. Поверь мне, редко когда человек убивает другого легко, без мучений. Представим себе, что это был не хладнокровный убийца, а человек психически здоровый, но просто доведенный до отчаяния обстоятельствами, о которых мы ничего не знаем.

Снова пауза.

– Итак, этот человек пришел к Львову с приговором, который вынес ему сам. Повторю: это не фантом, а реальный человек из плоти и крови, и его следы где-то в квартире непременно обнаружатся. Обязательно найдется свидетель, который видел, как он вошел в квартиру Львовых или в тот мо-

мент, когда там была Лена, или сразу после того, как Лена в отчаянии выбежала из дома и забыла запереть дверь. Если такой человек был, он мог где-то прятаться все время, а потом выйти.

– Вот ты объясняешь мне все это, но я все равно ничего не понимаю. Как-то все нелогично получается. Муж с женой ругаются, так громко, что их слышат соседи. Потом жена выбегает, чтобы, как ты говоришь, выпустить пар. Видит у подъезда машину мужа, и даже вид этой машины ее злит. Почему? Может, она узнала, что он на этой машине возил свою любовницу? Тогда Лена хватается первое, что попадает под руку, палку, и начинает колотить по машине мужа. Понятно, что ей очень плохо, совсем худо. В этот момент она не думает, что издает слишком много шума, не слышит вой сигнализации, не обращает внимания на лица любопытных соседей в окнах. Но если она совершила настоящее преступление и пристрелила его, то сделает одно из двух: или позвонит в полицию и признается в убийстве, или постарается спасти себя – скрыть следы и повесить преступление на кого-то другого. Кстати, а звук выстрела кто-то слышал?

– Да, слышали. Незадолго до того, как сработала автомобильная сигнализация.

– Но если свидетели назовут точное время выстрела, а оно совпадает, так я понимаю, со временем смерти, тогда Лене остается только найти свидетелей, которые подтвердили бы, что в момент убийства она была далеко от дома. Тех, кто

видел, как она бегала сама не своя по улицам.

– Было бы куда проще, если бы во дворе дома имелись видеокамеры, – вздохнул я. – Но поскольку большая часть информации связана со свидетельскими показаниями, значит, надо будет работать с конкретными людьми и постараться не упустить ни единой детали.

Мы переместились в гостиную и расположились на диване. Я так устал, что решил остаток вечера не думать о той, другой Лене. Завтра будет новый день, будут дела, встречи, звонки, размышления, а сейчас нужно наслаждаться покоем и присутствием рядом любимой женщины.

– Палка. – Я вдруг открыл глаза и выпрямился. – Что же я, болван, не спросил его о палке? Где она? Сохранились ли на ней отпечатки пальцев?

– Интересный вопрос. – Лена подняла указательный палец. – Но что-то подсказывает мне, что в деле нет ни палки, ни отпечатков.

– Это почему же?

– Не знаю. Вот чувствую.

Я улегся на диван и положил голову ей на колени. Последним, о чем я успел подумать, были мои странные влюбленные. Интересно, как они там?

Игорь

Костров довез нас до моего дома, и когда его автомобиль уехал и мы остались с Леной вдвоем, я почувствовал себя мальчиком, брошенным родителями. Испытал очень странное и стыдное чувство какой-то беспомощности и бессилия перед вверенной мне женщиной. Волей обстоятельств та жизнь, которую мы все эти два года оставляли за дверью гостиничного номера, обрушилась на нас, неподготовленных, лавиной, накрыла нас с головой. И теперь от меня зависело, сумеем ли мы сохранить наши чувства или же они под ветром обрушившихся на нас проблем и даже опасностей будут разрушены, погибнут.

Ладно я, у меня за плечами много пережитого, и я, думаю, успел как-то закалиться и даже огрубеть, научился стойко держаться и не раскисать – ради детей, ради моей семьи. Но какой жизнью жила Лена и что заставило ее скрывать многое от меня – в этом мне еще только предстояло разобраться.

Сейчас же мы поднимались с ней ко мне, где за дверью первое, что она увидит, это выставленные в ряд разноцветные башмачки моих маленьких детей. А еще через несколько минут на пороге появится заспанная Катя, няня моих детей, вполне себе привлекательная и очень домашняя, и Лена сразу же примет ее за мою жену. И это станет для нее ударом. Она медленно повернет ко мне голову и посмотрит на меня

с недоумением, страхом, потому что при наличии жены ее положение еще больше усложнится и уж ничто не заставит ее увидеть во мне своего защитника, даже друга.

Мы остановились перед дверью. Лена посмотрела на меня, и в этом взгляде было столько вопросов, что я даже растерялся.

– Я не женат, я живу один с детьми, они совсем маленькие. Еще есть няня Катя, но она просто няня.

– Так ты не женат? – Глаза ее моментально наполнились слезами радости и облегчения. – И вот за этой дверью сейчас спят твои дети?

Последние слова она произнесла шепотом.

– Да.

– Ты поэтому молчал? Боялся, что твои дети помешают нам? Да как ты мог? Дети! Боже...

Я видел, что ей было трудно говорить.

– А как их зовут? Сколько им лет?

– Анечка и Саша. Почти три. Они двойняшки.

Я достал ключи и принялся открывать дверь. Лена стояла рядом со мной, и я слышал биение ее сердца. Я понимал, как она переживает, как напряжена. Но сейчас все будет хорошо. У меня есть дом, где она найдет все необходимое, где сможет пробыть столько, сколько понадобится. А еще лучше, если она останется здесь насовсем.

Это надо было видеть – как она делает первые шаги в мою жизнь, в мой мир. Вспыхнул свет, и она замерла на поро-

ге, разглядывая розовые кроссовки Анечки и фиолетовые – Сашки. Подняла с полу один башмачок, повертела в руках.

– Какие маленькие... И как же ты... один? А где их мама?

– Сбежала, – ответил я с опозданием в два года. – Я тебе потом расскажу, если, конечно, захочешь.

– Захочу. Я теперь все захочу. Только жаль, что у нас с тобой не осталось времени. Меня же посадят.

Она сказала это как человек, точно знающий дату своей смерти – со светлой грустью в голосе, чуть ли не прощаясь с белым светом.

– Не раскисать. Ты должна знать – даже если ты застрелила своего мужа, я все равно сделаю все, чтобы тебе помочь, чтобы тебя не посадили. Обстоятельства жизни бывают разные. Может, он заслужил...

– Нет-нет, я не убивала, в этом можешь не сомневаться, – вздохнула она как-то судорожно. Потом разулась и прошла в комнату, куда буквально спустя пару минут вошла Катя. На ней были розовый халат и домашние тапочки. Увидев Лену, она остановилась, нахмурилась и принялась ее разглядывать.

– Катя, это Лена.

– Катя, – моя няня протянула ей руку. – Очень приятно.

– Как дети? – спросил я шепотом Катю, помогая Лене освободиться от тяжелого вязаного пальто.

– Все хорошо. Спят. Поужинали, повозились немного, это уж как водится. Потом я их уложила.

– Спасибо тебе, Катя.

– Я там вам на плите все оставила.

– Хорошо, – ответил я, испытывая почему-то неловкость, словно мне было что скрывать от Лены. Ну, да, Катя готовила мне, что ж тут плохого? И убирала, и стирала.

Лена села в кресло и осмотрелась. К счастью, все было прибрано, Катя собрала все игрушки с ковра, словно знала, что я приду не один. Нет, она, конечно, убирала, но к вечеру иногда так уставала, что у нее просто не хватало сил собрать игрушки. На диване среди примятых подушек лежала раскрытая книга «Алиса в Стране чудес», купленная мною исключительно из-за иллюстраций Елены Базановой и служившая моим детям пока что только как художественный альбом – вряд ли они смогли бы понять саму сказку.

– Все, как во сне, – наконец, сказала она. – Ущипни меня.

Но я ее обнял, поцеловал. Катя к тому времени, даже спросонья сообразив, что к чему, тактично удалилась в свою комнату.

Я, не забывая, что теперь многое в жизни Лены будет зависеть от меня, а потому не имея права расслабляться, бодро встал, взял Лену за руку и отвел в небольшую комнату, служившую нам кладовой, где помимо большого гардероба с постельным бельем и полотенцами можно было найти все, что душе угодно, от ящичков с консервами до елочных игрушек.

– Здесь полотенца, выбери и отправляйся в ванную комнату. Думаю, это именно то, что тебе сейчас нужно. А я пока

разогрею ужин.

Вот и все. Она ушла, почти убежала. А мне предоставилась минутка немного прийти в себя, осмыслить случившееся. И так. Она здесь, в моей квартире, уже познакомилась с Катей. Знает, что у меня дети. Думаю, уже очень скоро она их увидит.

Казалось бы, что особенного произошло? Ну, пришла ко мне знакомая женщина, любовница. Нет, не так... Она не просто знакомая мне женщина, она чудесная женщина, невероятная и любимая мною. И вот она у меня!

Меня самого от волнения прошиб пот. Я даже умылся холодной водой.

Катя оставила мне на ужин картофельную запеканку, какую мы с детьми очень любим. Еще салат и компот. Отлично. Разогрею ужин, когда Лена вернется из ванной комнаты. А пока надо было осмотреть спальню.

Я вошел и постарался увидеть ее чужим взглядом. Спальня как спальня. Мои вещи, к счастью, Катя сложила в шкаф, и комочков грязных носков нигде, кажется, не наблюдалось.

Я сел на кровать. Вот меньше всего представлял я себе Лену здесь, в этой квартире, на этой кровати. Кровать. А что, если она не пожелает лечь со мной? Кто знает, что сейчас происходит в ее голове? Она же перенесла мощный стресс. Ей, возможно, и не до меня. Попросит меня, чтобы я постелил ей в гостиной. Да, она именно так и попросит, понимая, что я, конечно же, уступлю ей кровать в спальне.

Ее не было очень долго, из чего я мог сделать несколько выводов. Первый: она привыкла подолгу плескаться в ванне. Второй: после камеры просто необходимо было как следует отмокнуть, чтобы избавиться от преследуемых ее запахов. Третий: ей стало плохо, дурно.

Я подошел и постучал в дверь.

– Иду-иду! – ответила Лена не сказать что бы весело, но как-то звонко, легко. Горячая вода и мыло явно пошли ей на пользу.

Вспомнив, что у нее нет халата, я принес ей один из своих, огромный, зеленый и тяжелый, мои дети называли его «крокодилом». Я еще раз постучал и, когда мне открыли дверь, сунул в просвет большой махровый ком.

– Это мой! – сказал я на всякий случай, чтобы она не подумала, что халат мог бы принадлежать моей сбежавшей жене или Кате.

– Спасибо!

Она почти сразу же вышла, розовая, кутаясь в халат, на голове тюрбан из голубого полотенца.

Вот уж такой я ее точно не видел. Никогда. А какая милая, славная! Я обнял ее.

– Я словно заново родилась, – сказала она, отвечая на мои поцелуи своими, совсем уж какими-то целомудренными, почти детскими поцелуями. Стеснялась.

Я положил ей горячую запеканку, налил компот. Себе – водочки.

Она сняла с головы полотенце, распустила мокрые волосы.

– Значит так, Игорь. Или ты веришь мне или нет.

– Верю! – Я даже не дал ей договорить.

Она подняла на меня свои глаза, задержалась долгим взглядом, словно исследуя меня, пытаюсь понять, искренен ли я.

– Мы с Колей, моим мужем, поругались. Понимаешь, наш брак в последнее время напоминал некую договоренность... Словом, мы жили каждый своей жизнью. Уверена, что у него были другие женщины, а может, одна, не знаю. Но выглядел он вполне счастливым, довольным жизнью. Наш бизнес... Когда-нибудь я расскажу тебе о нем более подробно, чтобы ты понял, откуда взялся начальный капитал и все такое. Но сейчас тебе важно знать, убила я его или нет. Так вот, мы жили под одной крышей, но у каждого была своя жизнь, я уже сказала... Господи, мысли расползаются, как нитки. Никак не могу сосредоточиться.

– Успокойся. Не хочешь, можешь сегодня вообще ничего не рассказывать.

– Я расскажу, что помню. Мы ругались с ним из-за ребенка. Он никак не хотел, чтобы я взяла ребеночка из детского дома. А я очень, очень хотела. Он считал, что это полный бред, что ребенок может быть с дурной наследственностью. На что я сказала ему, что неизвестно еще, какая у нас с ним наследственность. Думаю, это его задело, он начал что-то там

говорить о том, что у него в семье все были приличные люди. Меня же в этой нашей, если так можно выразиться, беседе взбесило то, что он залез в мой компьютер, что посмотрел историю, понимаешь? Историю моих сетевых интересов! То есть ему, оказывается, было интересно, чем я живу, чем интересуюсь! А меня просто как током ударило! Я же не шпионю в его ноутбуке, не подслушиваю его телефонные разговоры. Да мне вообще безразлично, чем он занят. Больше того, меня все чаще и чаще начали посещать мысли о разводе, о том, что надо уже что-то решать. Я и в тот вечер ему тоже сказала, что это ненормально, что хватит уже играть в семью, что все знакомые уже знают, что у нас нет семьи, что все это фикция. Но для него было важно, чтобы его считали семейным человеком, и это при том, что мы все реже и реже стали бывать где-то вместе. Да вообще почти никуда уже не выходили. Я даже в театр ходила одна или с приятельницами. Коля не любил театр.

Я слушал ее, не перебивая, хотя вопросов было много, я едва сдерживался, чтобы их не задать. И главный: почему же не разошлись до сих пор? Все те доводы, которые она приводила, были какими-то несерьезными.

– Может, ты обидишься или просто не поймешь меня... – вдруг сказала она, – но, вероятно, я боялась стопроцентного одиночества.

– Это как?

– Мы встречались с тобой не так уж и часто. И я могла на-

придумывать себе о твоей жизни все, что угодно. И, конечно, я была уверена, что ты женат. Потому что такой мужчина, как ты, просто не мог быть одиноким. И вот когда впереди целая неделя ожидания свидания и ты совсем одна, в пустой квартире... Это как-то страшновато. А так... Я в своей комнате смотрю телевизор, Коля – в гостиной, можем поужинать вместе.

Я открыл было уже рот, чтобы спросить о характере их отношений, как она теплой ладошкой прикрыла мне рот.

– Мы не спали с ним уже несколько лет. Совсем. У меня два года тому назад был любовник. Молодой, его звали Тагир. Я влюбилась в него. А он женился, и я за один вечер постарела лет на пятьдесят.

– Это был тот самый вечер, когда мы познакомились? – промычал я через ее ладонь.

– Да, и хватит об этом.

Она склонилась надо мной и нежно поцеловала меня в губы.

– Мне до сих пор стыдно за тот свой поступок. Вела себя, как идиотка. Совсем не соображала, что делаю.

– А тогда, когда твой муж... когда его убили... Что ты помнишь, кроме вашей ссоры?

– Помню, что для себя приняла решение расстаться с ним, развестись. Вот только не продумала еще, где кто будет жить. Я знала, что Коля тоже привязан к нашей квартире.

– А ты не хотела жить со мной?

– Не могла об этом мечтать, – прошептала она. – Говорю же, была уверена, что ты женат. Я даже рисовала себе портреты твоих жен... блондинок, брюнеток...

– Что было потом?

– Кажется, я крикнула ему, что наш дом стал для меня тюрьмой, что я здесь задыхаюсь, что я хочу уже чем-нибудь заняться.

– Ты нигде не работаешь?

– Нет, и это меня тоже не красит. Мне было стыдно сказать тебе, что я – опасный человек, что меня нельзя подпускать к цифрам, что я чуть не разорила нас с Колей в свое время и что, если бы не его мозги... Короче, я много раз представляла себе, что мы разговариваем с тобой, что ты задаешь мне вопросы, а я отвечаю. И вот мои же ответы меня же и убивали. Ведь я ничем серьезным не занималась. Жила в свое удовольствие, тратила деньги, которые зарабатывал мой муж, я даже не всегда сама готовила ужин, последнее время нам приносили из ресторана. И получалось, что я как бы никто. Просто женщина.

– Зачем ты разбила его машину?

– Не знаю. Не помню этого.

– Но соседи видели.

– Но я, правда, не помню.

– А у тебя раньше бывало такое, что бы ты ничего не помнила? У тебя были провалы в памяти?

– Да вроде нет.

– А тот вечер, когда мы с тобой познакомились, ты все помнишь? Ты, вообще, соображала тогда, что делаешь? Что тебе мог позвонить какой-нибудь урод, психически нездоровый человек или просто преступник, который мог бы тебя убить, ограбить...

– Ты мне уже все это говорил, пожалуйста, не надо.

– А пистолет?

– Я знала, что у него он есть, я знала, где он его хранит, в сейфе. Отлично помню тот вечер, когда мы с ним смотрели какой-то американский боевик, там убийца проник в дом и перерезал всю семью, и тогда Коля сказал, что завтра же поедет и купит пистолет. Что это дело решенное. Потом я слышала, как он звонил какому-то своему другу, расспрашивал его о том, где и как можно оформить разрешение на хранение оружия. Я же не придавала особого значения всему этому. Понимала, что он мужчина, что ему пистолет нужен не только для самообороны, но и для престижа, что ли. Что мужчины, они, как мальчишки, будут друг перед другом хвастаться оружием. Ну вот... А потом он просто сказал мне, что купил пистолет.

– Показал?

– Да, конечно.

– Значит, после того, как вы с ним поссорились, ты выбежала из дома и?..

– Не знаю. Пошла шататься по улицам.

– Ты раньше шаталась, как ты выразилась, по улицам? У

тебя есть какой-нибудь маршрут?

– Да не то, что маршрут... Просто иногда, когда хочется пройтись, брожу по соседним улицам. Неподалеку от моего дома, буквально за углом, есть пекарня, там всегда пахнет сдобой и кофе, вот туда меня почему-то как магнитом притягивает. Дальше церковь, потом маленькая площадь, самодеятельный театр, больница... Иногда останавливаюсь, чтобы почитать объявления.

Тут она вдруг улыбнулась мне, а потом и вовсе расхохоталась, но не громко, тихо, прикрыв рот рукой, понимая, что в доме спят дети:

– Но более идиотского объявления, чем то, что я клеила, когда меня бросил Тагир, я не встречала.

Я решил сделать вид, что не обратил внимания на ее слова. К тому же упоминание имени ее бывшего любовника было мне не очень-то приятно.

– Сколько времени прошло с тех пор, как ты вышла из дома?

– Не знаю. Я ходила по улицам и думала о ребенке, о том, что, если я разведусь с Колей, вряд ли мне дадут усыновить ребенка. Получалось, что я, с одной стороны, хотела свободы и развода, а с другой – была зависима от Коли. И все это меня страшно бесило!

– Значит, ты не помнишь, как разбивала машину?

– Знаешь, мне вообще вся эта история с машиной непонятна. С какой стати мне было бы разбивать машину? У него

дорогая машина, «Мерседес», почти новая, он ее в прошлом году купил. Да у меня бы просто рука не поднялась.

– Но соседи все как один утверждают, что это была ты... – осторожно заметил я. – Что на тебе была красная куртка. У тебя есть красная куртка?

– Конечно, есть. Я в ней обычно и отправляюсь на прогулку. Ты хочешь сказать, что я вообще ничего не соображала, когда вела себя, как последняя идиотка? Нет, я все понимаю, поскандалили-поругались, покричали друг на друга, но чтобы убивать?! Нет, я пока еще не сошла с ума.

Она вдруг сжалась вся, подобралась, словно уменьшилась в размерах, и теперь смотрела на меня испуганно, словно ожидая от меня одного – поддержки.

– Иди ко мне, – я сделал ей знак, и она пересела ко мне на колени, обвила руками мою шею, прижалась ко мне.

– Игорь, мне страшно. Я влипла в какую-то нехорошую, грязную историю. Ты ведь сможешь мне? Поможешь?

– Конечно, помогу. Ты мне только доверься.

– Мне очень, очень нужна твоя помощь. И прямо сейчас!

– В каком смысле?

– Мне нужно туда попасть, срочно.

– Куда?

– Домой. Я должна увидеть все своими глазами. Тогда, может, что и вспомню, а?

– Но квартира наверняка опечатана!

– А ты поговори с Костровым. Если будут нужны деньги,

я заплачу, только пусть меня туда пустят.

– Лена?

– А вдруг это вообще не он? Оpoznания-то не было? Кто его опознавал?

Этим вопросом она поставила меня в тупик. Действительно, кто опознавал Львова? Насколько я понял из разговора Кострова с Геннадием Неустроевым, следователем, Лену арестовали прямо на месте преступления, наверняка надели наручники и...

– Расскажи, как все было. Как тебя арестовывали?

Она посмотрела на меня как на предателя.

Мирем

Теодора! Когда Мирем видела на дисплее это имя, все вокруг начинало переливаться солнечными бликами. Теодора была мостиком к счастью. Худенькая, со светлыми кудряшками, веселая и добрая Теодора всегда своим звонким щебетаньем доставляла Мирем только радостные новости.

– Надо бы встретиться! – услышала она голос Теодоры и по ее тону поняла, что все обстоит наилучшим образом. – Ты где, Мирем?

– У Кафедралы. Смотрю, как голубей кормят.

– Я приеду за тобой, только дождись!

– Дождусь, конечно! – воскликнула Мирем своим низковатым прокуренным голосом.

Она отключила телефон и снова расслабилась, откинувшись на спинку скамейки, подставляя потемневшее лицо солнцу. Как вовремя позвонила Теодора! Какое счастье, что она вообще есть! Если бы не было у Мирем совести, она сама бы звонила ей каждый день, чтобы одолжить денег, перехватить сигаретку-другую. Но у Мирем есть совесть, а потому она никогда не звонит ей первая. Знает, что там, наверху, есть тот, в кого она верит и кого любит, есть Бог, который знает, какое у Мирем доброе сердце, и он уж точно не оставит ее без помощи. Сделает так, что или Теодора ей позвонит или работка какая-нибудь подвернется и что у Мирем всегда по-

явится откуда-то благословенная пачка сигарет, без которых она уже не может, тарелка супа или кусок брынзы на ужин.

Она сразу заметила ее. Тоненькую фигурку в синих джинсах и зеленой курточке, подбитой мехом. Свежее личико с розовыми щечками, голубые глаза! Красавица Теодора! Сколько же ей лет? Чуть больше тридцати, но выглядит на двадцать пять, не больше. И куда только мужчины смотрят? Почему она до сих пор одна? Не потому ли, что с утра до позднего вечера убирает гостиничные номера, и мужчины, которые видят ее, – постояльцы, гости, воспринимающие ее просто, как горничную, не могут относиться к ней серьезно? Хотя наверняка многие подкатывали к ней, как к симпатичной девушке, да только Теодора не такая, она умеет за себя постоять. Так ответит, как будто ударит. И улыбнется при этом, мол, вам меня все равно не унизить, не обидеть, я живу своей жизнью, а вы – своей. Я постелила чистую постель, помыла полы и – чао-какао!

Она работает горничной в самом большом отеле Варны «Черное море». Однажды и Мирем ночевала в одном из номеров этого отеля, только давно это было. Ее пригласил один молодой человек, которому она пообещала показать Варну. Ей было около двадцати, ему – под тридцать. Вот только она не помнит, то ли серб он был, то ли грек. Красивый высокий парень с ласковым голосом и большими зелеными глазами. Они познакомились в Морском парке, она покупала мо-

роженое, а он фотографировал пляж. Он позвал ее, попросил сфотографировать его на фоне красивого розового куста. Так и познакомились. Он довольно сносно говорил по-болгарски. Целый день они гуляли по парку, спускались к пляжу, но не купались, просто сидели на песке, болтали ни о чем. Меттин тогда работал в Турции на каких-то овощных плантациях, звонил часто, контролировал каждый ее шаг, требовал отчета, где она и что делает. А в тот день Мирем отключила свой телефон и от свободы чувствовала себя как пьяная. Словно отвязавшаяся от забора собачонка, почуявшая запах свободы.

Парня звали Горан. Да, точно, его звали Горан, и был он все-таки серб. Он угостил ее обедом, состоящим из форели, запеченной на скаре,³ шкембе-чорбы⁴ и куска торта.

Денек был солнечный, долгий, теплый. Вечером, когда Варна засверкала оранжевыми нарядными огнями, когда вся набережная ожила, из отелей и квартир народ хлынул к морю. Уличные кафе засияли огнями, в воздухе запахло жареным мясом и сигаретным дымом.

Горан пригласил Мирем на ужин. Они пили красное вино, ели вкусный сыр, много курили. Горан рассказывал о своем городке, о своей семье, братьях и сестрах, о том, что только его старшая сестра умеет варить настоящий кофе, что она знает какую-то хитрость. А потом они поднялись в отель

³ Скара (болг.) – гриль.

⁴ Суп из рубца, болгарское национальное блюдо.

«Черное море». Горан заплатил за номер. Мирем долго и тщательно мылась в душе, радуясь тому, что вода никогда не кончится, не то, что в ее маленькой квартирке со скромным бойлером, воду в котором надо было делить с Меттином. Здесь же можно было не спешить и просто постоять под струей теплой воды, чувствуя себя настоящей богачкой. Минута, две, три, пять!

Она бы так и стояла, наверное, до утра, не войди к ней Горан.

Утром, выспавшиеся, они поднялись на самый верх, в ресторан, где их ждал шведский стол с завтраком. Горан сам готовил для нее гренки на одном из шести блестящих новеньких тостеров, где жарили хлеб другие постояльцы, ухаживал за ней, сидящей за столиком с белой скатертью прямо на террасе, даже намазывал на гренки мягкие квадратики сливочного масла и спрашивал, смешно коверкая слова, какой она будет конфитюр – клубничный или персиковый. Народу в ресторане было мало, многие еще спали. Мирем пила кофе с молоком, улыбалась, и ей казалось тогда, что даже гларус, огромная чайка, завтракавшая здесь же, на террасе крошками, которые ей бросали завтракающие люди, улыбается ей в ответ.

Утром Горан поцеловал ее на прощание, сел в такси и уехал. Больше они не виделись.

– Теодора! – Мирем поднялась ей навстречу.

Подруги обнялись, и Мирем снова опустилась на скамейку. Куда только девались силы?

От Теодоры пахло сладкими духами.

– Что, она позвонила?

– Конечно, позвонила. Думаю, что буквально на днях она пришлет тебе электронный билет на самолет, и ты, Мирем, полетишь к ней! Везет же тебе, счастливица! Я тоже хочу в Москву!

– Не думаю, что она будет против, – сказала Мирем, все еще не веря своему счастью. Сердце ее колоколом звенело в груди, еще громче, чем колокола собора.

– У меня работа, я не могу. Кристина, моя подруга, уехала на свадьбу к сестре, я теперь работаю и за нее тоже. Вот вернется она, я прикину, как у меня с деньгами, да и махну тоже в Москву, к вам! Уж не знаю, что у вас там за тайны такие, но мне кажется, что она жениха тебе нашла, да? Или я ничего не понимаю в людях. Элена, она же такая... Она знает, как Меттин издевается над тобой, поэтому единственное, что она могла бы для тебя сделать, это найти в России тебе хорошего парня. Доброго и работающего. Но это уже ваши дела. Мирем?

Мирем улыбалась ее словам. Да, она права, если бы не тайна, о которой Теодоре век не догадаться, действительно можно было бы предположить, что Элена приглашает Мирем в Москву, чтобы помочь ей устроить личную жизнь. Но Элена собирается устроить ей не просто личную жизнь, а настоя-

щую жизнь – волшебную, сказочную, невероятную, нереальную. Ох, если бы только Теодора знала! Но она никогда не узнает.

– Ты сегодня завтракала? – спросила Теодора, помогая Мирем, совсем обессилевшей, подняться со скамейки.

– Да, конечно, кофе пила.

– Пойдем ко мне, я кое-что припасла для тебя.

Она привела ее в маленькую комнатку в отеле, где отдыхали горничные. Вскипятила воду, заварила кофе, разложила на тарелке золотые квадратики сливочного масла, крошечные пластиковые ванночки с конфитюром, сладкую кифлу⁵ и розоватые кружки копченой колбасы.

– Ешь! Ну, чего смотришь? Тебе силы нужны, чтобы до Москвы долететь! А, понятно.

Теодора достала из ящика стола новенькую пачку сигарет и протянула Мирем, та просияла от счастья и с наслаждением закурила, выпуская дым в раскрытое окно, за которым кружили большие гларусы.

– Будь моя воля, я бы, во-первых, избавила тебя от твоего Меттина, потому что он – дьявол. Я вообще не понимаю, как ты с ним столько лет живешь. Он же высасывает из тебя все соки, пьет твою кровь, грызет твои нервы. На кого ты стала похожа, Мирем? Ты же красивая женщина!

Мирем улыбнулась одними губами – мыслями она была очень далеко, и ей не было дела до Меттина. Она мысленно

⁵ Болгарская плюшка с вареньем.

отрывалась от него, отлетала, улетала...

– А во-вторых?

– Отучила бы тебя от сигарет.

– Но мне нравится курить. Это одно из моих самых сладких удовольствий.

Теодора поджала губы, понимая, что к Мирем не пробить-ся, что она слишком зависима от сигарет. Как и от Меттина. А жаль.

Выкурив сигарету, Мирем развернула золотой слиток масла и принялась намазывать на ломтик кифлы.

– Вкусно, – улыбнулась она.

Неужели, спрашивала она себя, неужели через несколько дней весь тот ад, в котором она жила долгие годы и который был куда страшнее жизни с Меттином, скоро закончится, и страхи, которые ее преследовали с самого детства, исчезнут насовсем? И к ней вернется сон? Бессонница, которая мучила ее с тех самых пор, как умирающая мать вложила ей в руки полотняный мешочек, закончится? И она перестанет вздрагивать, услышав имена Эмир или Эмиль и даже женские Эмма, Эмилия...

Мирем зажмурилась и замотала головой, чтобы разогнать кроваво-черные, дымные клочки своих кошмаров. Распахнув глаза, снова оказалась в залитой солнечным светом комнате, перед ней стояла чашка с недопитым кофе, булочка с маслом. А напротив нее сидела задумчивая Теодора.

– Мы и тебе там жениха подберем, обещаю! – хрипловато

засмеялась Мирем, похлопывая подругу по руке. – Только бы билет дождаться!

Лена

Как много времени было потеряно – вот о чем я думала, лежа в ванне и улыбаясь тому счастью, что поджидало меня за дверью. У него не было жены, он свободен! Да я об этом даже мечтать не смела! Я и тогда не могла поверить в то, что это правда, потому что такой мужчина, пусть даже и с детьми, не мог долго оставаться один.

Но и не плакать я тоже не могла, слезы душили меня, и я никак не могла найти в себе силы справиться с волнением. Ну почему, почему счастье никогда не бывает полным, почему все то, что составляло сейчас мою радость – Игорь и его дети, – все может исчезнуть из моей жизни навсегда?

Какое убийство, что за бред? Как я могла убить мужа? Я что, сумасшедшая и меня нужно посадить под замок? Я опасна для общества? Но этого не может быть! У меня никогда в жизни не было провалов в памяти! Да, безусловно, тот вечер, когда я расклеивала объявления, не делал мне чести. Да, было в этих моих действиях что-то безумное, вызванное отчаянием, стрессом. Но я живой человек, мне просто было очень плохо, и... Сейчас я уже не могу подобрать нужных слов, чтобы описать чувства, которые я испытывала тогда. Глупость, конечно, идиотизм. Но все это в прошлом. И больше я и вспомнить-то ничего подобного не могу. Я вполне себе уравновешенный человек, адекватный.

Конечно, истинную причину нашей ссоры с Колей я ото всех скрою. Даже от Игоря. И не потому, что не доверяю ему, просто это не моя тайна, вот и все. Эта история всегда будет стоять как бы в стороне, в темном уголке моей жизни. И рано или поздно я о ней все равно забуду.

Я вспомнила одну из наших последних ссор с Колей, связанную с моим желанием взять ребеночка из детского дома. Муж был категорически против, одно только упоминание о детском доме вызывало в нем отвращение, я видела это, чувствовала, и эта его гримаса, словно я заставляла его съесть лягушку, сильно действовала мне на нервы. Для более серьезного, основательного разговора о том, почему у нас с Колей не было детей, мне не хватало документального подтверждения – медицинского заключения о бесплодии одного из нас. Вернее, я-то знала, что здорова, а вот Коля наотрез отказывался провериться. К тому же эту болезненную тему мы могли поднимать, когда наши отношения позволяли нам иметь детей, когда мы хоть и редко, но спали под одним одеялом, а в последние-то годы об этом и речи не могло быть. Но что делать, когда вся моя жизнь в какой-то момент показалась мне совершенно бессмысленной и глупой без ребенка?

Да, я в одной из наших последних ссор с мужем упрекала его в том, что он не позволяет мне почувствовать себя матерью, и мне казалось совсем уж недопустимым, что моя жизнь, мое будущее зависит от человека, которого я, во-первых, не люблю, во-вторых, давно уже не уважаю и даже пре-

зираю! А еще мне страшно было подумать о том, что я сама, своими руками превратила свою жизнь в какое-то уродство, в какое-то бессмысленное существование, заперла себя во лжи и бессмысленности. Как я могла допустить, что весь бизнес перешел в руки мужа? И если поначалу он управлял нашими аптеками, то теперь уже управлял и моей жизнью?! Это он мягко отказывал мне в разводе, мягко отказывал в моей просьбе принять участие в оформлении приемного младенца, мягко запрещал мне дышать полной грудью! Думаю, что именно это обстоятельство, эти непонятные отношения с мужем, которые мне и объяснить-то было бы сложно, и заставили меня играть в несвойственную мне игру с Игорем, затуманивая свою сущность и превращая наш с ним роман в какой-то фарс!

Особенно остро я почувствовала всю дешевую театральность нашего романа в ту минуту, когда до меня дошел глубокий мотив Игоря, согласившегося играть по моим правилам – им-то, в отличие от меня, двигало чистое благородство, когда он скрывал от меня своих детей, априори не желая взваливать на меня заботу о них.

И вот теперь, когда я бы с радостью предложила ему свою помощь, с легкостью сбросив с себя ненужные тайны и недомолвки, когда я готова была признаться ему в том, что тяготилась своей невозможностью открыть ему свою душу, надо мной нависла реальная угроза предстать перед судом за убийство, которое не совершала.

Я знала, что за ужином нам предстоит нелегкий разговор и что я должна буду ему рассказать все, что я помню из того вечера, когда убили моего мужа. И я готова была ему все рассказать, разве что слегка подкорректировав тему скандала.

Я догадывалась, что все, что может иметь отношение к убийству, а, значит, и ко мне лично, ведь я – главная подозреваемая, сейчас находится в руках полиции. Значит, и мой ноутбук. Что ж, если следователь окажется внимательным, то он может заподозрить мое чрезмерное внимание к некоторым темам, а потому мне надо подготовиться к возможным вопросам. Но главное должно было сыграть в мою пользу – в истории моих обращений в Сети было очень много материала, касающегося процедуры усыновления. А в ящике моего письменного стола они наверняка нашли блокнот с целым списком детских домов, приютов и номерами телефонов всех директоров и заведующих всех этих заведений. Поэтому в моих разговорах с кем бы то ни было «детская» тема должна быть ключевой.

Чистая, но уставшая я сидела за столом и отвечала на вопросы Игоря. Мне важно было подвести его к главному, и я уже примерно представляла себе, как это сделаю – мне надо было во что бы то ни стало попасть домой, и будет достаточно правдоподобно, если я объясню ему это свое желание исключительно тем, что, только оказавшись в том месте, где обнаружила труп мужа, возможно, что-то и вспомню.

На самом же деле мне надо было домой совершенно по

другой причине. Мне надо было кое-что проверить. И это было настолько важно, что все остальное могло бы и подождать.

Думая о ней, об этой маленькой несчастной женщине, с которой меня свела судьба, сердце мое сжималось от нехорошего предчувствия. А что, если следственный механизм скрутит меня, перемелет и выплюнет и я окажусь за решеткой? Что тогда? Я же погублю и ее!

Не знаю, где я нашла слова, чтобы убедить Игоря поехать ко мне домой. Глубокой ночью.

– Ты права, тебе действительно нужно туда. Вот откроешь дверь, зайдешь, увидишь эту комнату... Может, и вспомнишь, как все было. А может, припомнишь, кто еще к вам тогда заходил. Может, знакомый? Или сосед? Кто-то же там был, пока ты прогуливалась по улицам и мечтала о ромовых бабах. Кто-то вошел и застрелил твоего мужа.

Игорь дал мне свою одежду, я переоделась, высушила феном волосы, и мы поехали ко мне.

Я обрадовалась, когда увидела, что дверь в мою квартиру не опечатана. Это говорило о том, что эксперты закончили там свою работу, и я, если бы меня не арестовали, могла бы туда вернуться.

– А если там... как бы это сказать... кровь на полу? Может, я первый зайду и помою пол? – предложил Игорь. Он

был очень заботлив, боялся, что мне станет дурно, когда я увижу кровь.

– Думаю, что когда я открою дверь, то мне навстречу выйдет Коля, – я сказала чистую правду. Я не могла поверить в то, что его больше нет. Быть может, вообще убили не его! Или же мне все это приснилось?!

На один лестничный пролет выше, в кадке с большой искусственной пальмой (подарок подъезду одной из жилищ), был спрятан запасной комплект ключей от нашей квартиры.

– Безумие какое-то, – покачал головой Игорь, глядя, как я выуживаю пакет с ключами из горшка, отряхиваю от земли. – Как можно держать ключи в земле? Она же мокрая!

– Земля сухая, а пальма искусственная.

– Да у вас даже консержки нет! Заходи и бери – не хочу!

Я пожала плечами, мол, что ж поделаешь, такая вот я легкомысленная. На самом же деле ключи эти я приготовила для Мирем. Мало ли...

У меня руки тряслись, когда я отпирала замки. Наконец, Игорь не выдержал и сам открыл дверь. В лицо мне сразу пахнуло знакомым теплым духом моего собственного жилья, без примеси крови, смерти, кошмара. Все как обычно. Приятный такой сладковатый, сухой запах. Так пахнет чистота, уют.

Но, включив свет, я поняла, что все не так, и с запозданием в нос ударил застарелый запах табака и еще чего-то тошнотворного. Я увидела, что все в квартире перевернуто, а по-

лы затоптаны. Да и ковер тоже. А то место, на выходе из гостиной, где я и нашла труп Коли, просто почернело от грязи. Кровь, которая собралась под телом, теперь уже высохла, смешалась с пылью и грязью, и у меня просто руки зачесались – так захотелось все отмыть.

– Ну? Ты как? – услышала я над самым ухом и вздрогнула. Тряхнула головой. Так, стоп, я зачем сюда приехала-то?

Я медленно двинулась вперед, к окну, думая лишь об одном: хоть бы они были на месте.

Подойдя к подоконнику, я медленно раздвинула тяжелые шелковые шторы зеленого цвета и сделала вид, что смотрю в окно, в ночь. Затем медленно подняла голову и тотчас опустила. И снова посмотрела в синее окно, где вместо собственного отражения увидела бледное личико улыбающейся Мирем. Я едва сдержалась, чтобы не помахать ей рукой.

Все было на месте. Мне не о чем было беспокоиться. Теперь, когда я знаю это, мне надо сосредоточиться на другом, не менее важном – доказать всему миру, что я никого не убивала.

– Какая грязь кругом, – сказала я, морщась. Думаю, Игорь заметил, что я заметно повеселела.

– Ну, раз тебе так не терпится все отмыть, значит, с тобой все в порядке, – сказал он. – Но убирать будем потом. Ты мне скажи, все на месте?

– Сейчас посмотрю... – Я обошла квартиру, открывая шкафчики, ящики, сейф. Все – деньги, драгоценности – бы-

ло на месте, о чем я и сообщила Игорю.

– Ну, и главное, – сказал он, – ты что-нибудь вспомнила?

– Конечно! Я вернулась, Коля лежал вот здесь... Видишь, кровь? Рядом лежал пистолет. Его кто-то убил. Но к нам в тот вечер никто не заходил, это я хорошо помню. Да к нам вообще никто и не заходил в последнее время.

– Ты сама вызвала полицию?

– О, нет! Когда я вернулась, меня здесь уже, как бы это помягче выразиться, поджидали! Надели мне наручники – и все! Дело в шляпе! Убийцу поймали! Соседи вызвали, когда слышали стрельбу.

– Ясно. Ну, что, все? Поедем?

Он так это сказал, так мягко и как-то заботливо, мол, поехали отсюда быстрее, нечего тебе здесь делать, что я подошла к нему и обняла. Прижалась к нему с единственным желанием – чтобы он меня защитил. Чтобы поверил, что я никого не убивала!

В какой-то момент моя квартира, которую я еще недавно так любила, стала мне чужой. А еще мне стало страшно. Словно меня лишили жилья, и я теперь должна жить на улице. Ведь теперь, когда все будет мне напоминать о том страшном дне, вряд ли я смогу оставаться здесь.

Игорь сам запер квартиру на все замки, ключи положил себе в карман, и в этом жесте я увидела хороший знак, он как бы положил в карман все мои проблемы. Хотя тогда я слишком много внимания уделяла разным мелочам, во всем

искала скрытый смысл, божественную подсказку.

Мы вернулись домой. Да, именно домой, потому что, лишь войдя в квартиру Игоря, я успокоилась, словно обрела свой новый дом. Не знаю, как объяснить это внутреннее чувство.

В квартире было так тихо, что слышно было, как на кухне тикают настенные часы.

Игорь взял меня за руку и привел в спальню, закрыл за нами дверь.

– Кажется, ты любишь спать справа? – спросил он, имея в виду ту кровать в гостиничном номере, где мы провели столько счастливых часов и где у каждого уже было свое место.

Я разделась, легла, положив свою голову ему на плечо и чувствуя его руку на своем теле, но впервые за два года, что мы были знакомы, я не испытала к Игорю ничего, кроме нежности. Мое тело стало другим и никак не реагировало на мужчину, присутствие которого прежде вызывало во мне сильнейшее желание. И самое горькое во всем этом было то, что и он, кажется, тоже теперь воспринимал меня не как женщину, а как друга.

Я хотела заплакать, но на какой-то момент забыла, как это делается, и крепко уснула.

Костров

Утром я уже знал сумму залога, приехал Игорь, привез деньги, и мы поехали с ним к Гене Неустроеву. По дороге Игорь признался, что ночью они с Леной были в ее квартире, рассказал и о том, где взяли ключи. Я был потрясен. Львовы – люди не бедные, и в квартире есть, чем поживиться во-рам. Как можно было оставлять запасные ключи в цветочном горшке на лестнице? Видимо, и Игорь тоже недоумевал, я же в душе порадовался тому обстоятельству, что он держал меня в курсе всего, что происходило с ним, то есть он доверял мне куда больше, получается, чем Лене.

– Как она объяснила свое желание поехать домой?

– Я так понял, что она и сама бы хотела вспомнить все, что произошло тем вечером, до мельчайших подробностей, и мы, можно сказать, вместе решили, что, оказавшись в ее квартире, у нее будет больше шансов освежить память.

Но оказалось, что ничего особенного она не вспомнила. Повторила лишь то, что мне и без того было известно.

Я попросил Игоря в точности передать мне все, что происходило в квартире, что Лена делала, на что обращала внимание.

– Я не сказал бы, что она испытала шок, оказавшись на месте преступления, вернее, я хотел сказать, на месте убийства ее мужа. Думаю, это связано с тем, что она как бы еще не

осознала, что его нет. И ее очень беспокоила грязь в квартире. Думаю, это была нормальная реакция женщины, домохозяйки, которая любила свою квартиру и дорожила комфортом и чистотой.

Я был с ним совершенно согласен. Но самый важный вопрос, который интересовал меня, я не мог не задать.

– Как вы думаете, Игорь, она могла убить своего мужа и забыть об этом?

– На сто процентов уверен, что нет. Они ссорились из-за ребенка, которого Львов отказывался взять из детского дома. Думаю, в их отношениях наступил кризис, поскольку вместе они уже жить не могли, во всяком случае, Лена. Она хотела определиться и начать уже жить своей жизнью, и для этого ей нужен был ребенок, пусть даже и приемный. Львов же продолжал удерживать ее рядом с собой, словно для того, чтобы продолжать создавать видимость брака, и ему дети не были нужны, во всяком случае, приемные – дурная наследственность и все такое. Возможно, он искренне полагал, что, живя с Леной под одной крышей, и он не будет так одинок. Иначе зачем бы ему все это было нужно? Лена полагает, что у него была женщина, но по какой-то причине они не могли сойтись. Или не хотели. Не знаю.

– Что подозрительного было в поведении Лены? – Я знал, что временами бываю жесток, но что поделать?

– Не то, что подозрительно... Просто я никак не ожидал, что она в столь поздний час захочет поехать к себе домой.

Она много времени провела в ванной комнате, и любая другая женщина на ее месте, поужинав, легла бы спать. Я же видел, что она утомлена, что едва держится на ногах...

– Быть может, там, дома, она что-то искала? Открывала ящики шкафа, стола...

– Да нет, ничего такого я не заметил. Она как бы между прочим сказала, что ноутбук забрали, но сказала это спокойно, просто констатируя факт.

– Она сильно нервничала, войдя в квартиру?

– Поначалу да.

– Давайте вспоминайте, Игорь, это может быть очень важно. Вы правы – это странно, что она ночью пожелала увидеть свою квартиру. Она могла это сделать и утром, ведь так?

– Я все хорошо помню. Я открыл двери, потому что она никак не могла попасть ключом в замок, у нее руки тряслись. Мы вошли, она стремительно прошла в гостиную, подошла к окну, распахнула шторы и посмотрела... в ночь. Там, за окном была темень, ничего не было видно, совсем, только наши с ней отражения.

– Быть может, она увидела что-то на подоконнике?

– Нет, там даже цветов не было. Она постояла буквально несколько секунд, потом повернулась, окинула взглядом комнату, поморщилась и сказала типа: «Какая ужасная грязь кругом!» Я ответил, что убирать будем позже, не сейчас. Сказал так потому, что несколько не удивился бы, если бы она бросилась за тряпкой. Но она согласилась со мной. И мы

ушли, уехали. Да, главное – мне показалось, что она успокоилась. Не скажу, чтобы повеселела, но успокоилась, другого слова и не подберешь.

– А не была ли ее реакция похожа на реакцию женщины, убедившейся в том, что смерть мужа ей не приснилась, что она как бы удостоверилась в том, что это реальность, что он мертв, и поэтому она успокоилась. И ей стало даже хорошо.

– Ефим Борисович!

– Все, я понял.

Потом Игорь спросил меня, было ли официальное опознание тела, на что я ответил, что, скорее всего, опознание было произведено прямо на месте преступления, ведь многие жильцы не спали, и, вероятно, кто-то из них, еще до появления в квартире Лены, опознал своего соседа, Львова, и все это было запротоколировано. К тому же в ожидании Лены было опрошено много жильцов, которые рассказали о том, что видели Лену в тот момент, когда она била палкой по машине, особенно досталось ветровому стеклу. Думаю, этот факт сыграл решающую роль в том, что она в результате всех этих показаний и была обозначена уже как главный обвиняемый.

И тут Игорь взорвался.

– Ефим Борисович, ну давайте рассуждать логически! Если бы Лена захотела убить своего мужа, разве стала бы она вести себя, как идиотка?! Сначала кричала на всю квартиру, скандалила, потом, пристрелив его, убежала из квартиры и

принялась бить по машине, собирая зрителей в окнах!.. Она – нормальная женщина. И если бы захотела избавиться от мужа, к примеру, чтобы освободиться от него или вернуть себе все аптеки, то уж придумала бы, как это сделать по-умному!

– Она была не в себе, вот в чем дело. Убийство не было запланированным.

– Вы так говорите, словно допускаете, что это она убийца.

– Поверьте мне, Игорь, я сделаю все, что в моих силах, чтобы доказать ее невиновность и найти настоящего убийцу. Но если убийство совершила Лена... – Я развел руками.

Игорь обиделся на меня, замолчал надолго. Мы отдали деньги, оформили залог надлежащим образом, после чего я, договорившись с Геной, который куда-то очень спешил, пообедать вместе, отправился в одну из аптек, принадлежащих Львовым, чтобы поговорить с персоналом. А Игорь, так и не сказав мне ни слова, поехал по своим делам.

В аптеке было немного людей, и все, кто стоял в очереди, то и дело косились на перечеркнутый черной лентой портрет Львова, помещенный на полочке между рекламными плакатами, и чувствовали себя явно неуютно. Я подошел к девушке в белом халатике, раскладывающей флаконы с розовой жидкостью на полке, назвал себя туманно представителем следствия и попросил провести к директору аптеки. Девушка понимающе кивнула и знаком предложила мне следовать за ней.

Мы вошли в глубь аптеки, миновали узкий, заставленный картонными коробками, коридор, девушка постучала в дверь с табличкой «Директор» и оставила меня одного.

– Да, войдите! – услышал я и открыл дверь. Оказался в маленьком уютном кабинете, где за столиком сидела молодая женщина в белом халате. Глаза ее были заплаканные.

Я представился, предъявив ей свое удостоверение частного детектива.

– Прямо как в кино, – она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой, и по щеке прокатилась прозрачная слеза. – Светлана Валерьевна.

Она протянула мне руку и приподнялась со своего места.

– Поверить не могу, что Николая Петровича больше нет. Что же теперь с нами будет? Кому перейдут аптеки?

– А вы как думаете? – Я не собирался начинать разговор с наследственных прав, но оно само как-то все получилось.

– Надеюсь, что его жене, Елене. Это было бы самым лучшим вариантом. Но вот справится ли она – вопрос!

– В каком смысле?

– Понимаете, Лена – она хорошая, умная, но говорят, что у нее в свое время были какие-то проблемы с финансовой документацией, еще в самом начале, когда они с Коле... вернее, с Николаем Петровичем только начинали. Он-то и помог ей, вытащил, спас от решетки. Что-то она там сделала, я точно не знаю, да и никто не знает. Но что-то серьезное, раз она после всей этой истории вообще отошла от дел и превра-

тилась в домохозяйку. Думаю, это стресс...

– Вы полагаете, что управление аптеками может взять в свои руки кто-то другой? У Львова есть и другие наследники, кроме жены?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.